

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ОГЛАШЕНИЕ XII

1. Хвалю вас, христоролюбивое собрание, за то, что вы единодушно собрались здесь, желая послушать мою речь, ибо вы, хоть и предстоит вам услышать всё то же самое и о том же самом, не поленились прийти, но и вновь с охотою и духовной жаждой стеклись сюда. Ведь если бы вы, ожидая услышать некие новые увещания, от того с большим рвением устремились на мой голос, мне не следовало бы так восхищаться этим, ибо новые слова способны поразить охочую до слушания душу, острыми шипами возбуждая ее внимание, тем более, если бы речь, изъясняясь на аттический и поистине отечественный лад, как бы в соответствии с отеческими нравами наслаждалась счастьем сказать или услышать нечто новое. Поскольку же вы прекрасно знаете, что я не мог измыслить никакого нового предмета для беседы, но произнесу всё то же ежегодное напутствие к посту, и всё-таки не пренебрегли нашей встречей, то ясно, что вы намереваетесь слушать мою речь со вниманием, а не воспринимать ее как некое черствое и надоевшее кушанье. Потому-то я по справедливости восхищаюсь вами и считаю вас достойными похвалы. Ведь то, что вы никогда не утомляетесь от разглагольствований о посте, но всегда с юношеским пылом и зрелым вниманием прислушиваетесь к призывающим к нему рассуждениям, я принимаю за явное свидетельство вашего к нему любовного отношения. Ибо как невозможно насытиться чем-либо желанным, так и вы не гнушаетесь беседой об одном и том же, как если бы были пресыщены ею.

2. Итак, я не просто восхищаюсь вашим вниманием к речам о посте (ибо слушание само по себе не делает причастником спасения), но и считаю блаженной вашу любовь к достигаемым благодаря посту и посредством его благам. Впрочем, чтобы мое утверждение оказалось достоверным, и я бы не впустую хвалил вас, подобно тем, кто *вводит в заблуждение и заблуждается* (2 Тим. 3, 13), нужно, чтобы и вы не просто предавались очарованию призывающих к посту речей, как пустым лепетом, но, приободрившись, как от побудительных звуков трубы, позабыли о предшествовавших посту трудах и по-апостольски устремились к предстоящим, дабы получить в награду венец, обещанный за приобретаемую постом праведность. Сказано, братия, что каждое время обладает величайшей ценностью и достойно всяческого бережения; Четырдесятница же потому ценнее всякого другого времени, что в короткий срок дарует величайшие блага тем, кто не будет впустую расточать их. Ведь своим ежегодным приходом чуть ли не в голос напоминает она о величайших Божиих милостях к нам, из, которых, как мы знаем, первые и главные суть спасительная страсть Христова, гроб и воскресение, ради которых и установлено сорокадневное очищение посредством поста.

3. Некогда ведь, стоило ангелу единожды упрекнуть Израиль, оставивший Бога,

Который извел его из Египта, и приложившийся к не существующим по природе богам, как *и быть егда глагола ангел Господень словеса сия ко всем сыном израи-левым, и воздвигоша людие глас свой, и восплакашася. И сего ради прозвася имя месту тому Плач* (Суд. 2, 4–5). Ныне же время поста, посылаемое ежегодно, как иной ангел Господень, и повествует нам о том, сколь великие блага мы получили от Бога, и упрекает, и только что не призывает нас к плачу, как равнодушных к своему Благодетелю. Так прислушаемся же к столь громогласному напоминанию о том, сколь великих благ удостоил нас Бог, и какую неблагодарность выказали мы в ответ! Воздвигнем и мы свой глас в ответ на сей неслышимый упрек, и заплачем от всей души, все до последнего человека, дабы не оказаться жестокосерднее необрезанных. Пусть и сие место получит имя Плача, и как некая долина некогда называлась долиной плача, так холмом плача назовется сие возвышение. Не проявим непослушания к сему времени, не пренебрежем его повелениями, хотя его слушается даже большинство пернатых: *Еродиа на небеси позна время свое, горлица и ластовица селная, вrabие сохраниша времена входов своих* (Иер. 8, 7), звери же повинуются приказаниям: *Возсия солнце, и собрашася, и в ложах своих лягут* (Пс. 103, 22).

4. Ужасно, поистине ужасно, если ласточки и горлицы под руководством времени, которое, как некий корифей хора, придает музыке гармонию, совершают свою весеннюю и, как говорят мифы, жалобную песнь, мы же, братья христиане, времени не повинемся, не распеваем скорбные песнопения, не уподобляемся сиренам и воробьям, подобно блаженному Иову, дабы, единожды в год оплакав прегрешения всей нашей жизни, избежать вечного плача. Жаль, что скимны, несмотря на свою прожорливость, страшатся восходящего солнца, и, прекращая свой рык и охоту за добычей, скрываются к себе в логово, мы же с приближением поста не забываем о пище и, не стыдясь времени, не успокаиваем в себе всё звериное, или, лучше сказать, не облагораживаем его разумом насколько возможно, но, напротив, отдаем свою разумную часть под власть бессловесной, предоставляя ей приобретать зверские качества. И это в то время, как надо всем миром взошла заря воздержания, и Бог, делясь с нами Своей благостью, не поставил нас в подчиненное положение, как обладающих неким бездушным естеством, либо одушевленным, но бесчувственным, либо чувственным, но неразумным, или даже разумным, однако самостоятельным и безбожным, но сделал сообразными славе образа Сына Своего, назначив Своими наследниками и сонаследниками Христа.

5. Вот каковы, вообще говоря, Божии благодеяния к нам; но к ним каждому из нас надлежит присовокупить то, что он сам испытал доброго и может припомнить теперь. Ведь, несомненно, среди всех людей нет ни одного, кто кроме общих проявлений человеколюбия не удостоился бы и каких-либо особенных благ. И чем же мы воздаем за это, при том, что не скрываемся и не прячемся в землю? Увы, если бы мы задались целью специально обращать божественные дары в их противоположность, то разве смогли бы найти худший ответ, нежели наши

нынешние прегрешения? Ибо посмотрите внимательно: разве мы, созданные разумными, не уподобляемся сами по собственной воле зверям, делаясь *женоневестовыми конями* (Иер. 5, 8) и неразумными мулами, лукавыми змиями и порождениями ехидниными, хищными волками и львами и коварными лисицами, и вообще сравниваясь со скотами и уподобляясь им? И, что самое печальное, разве не оказываемся более неразумными и неблагодарными, чем даже сами скоты? Ведь позна вол стяжавшаго и, и осел ясли господина своего (Ис. 1, 3); мы же, которым было дано увидеть Спасителя, дабы мы познали истинного Бога, вновь возвращаемся к почитанию твари вместо Создателя. Ведь мы не замечаем, как предаемся идолослужению в своем любостязании, принося жертвы серебру и золоту (ведь таковы идолы язычников), и, согласно пророческому проклятию, уподобляемся бесчувственным, ибо не испытываем благодарности к своему владыке, как растения, не приносящие плода делателю своему, но находим удовольствие в том, чтобы жить от земли и вниз головой питаться земными благами. Да и до бездушных предметов нам совсем недалеко с нашими очерстневшими и каменными сердцами. Вот как мы, подобные Богу и преображенные во Христе, добровольно обращаемся в совершенно противное Ему неподобие.

6. Но сколь же безгранично человеколюбие Божие! Он не препятствует нашему возрождению, но вновь придает форму бесформенному стыду, вновь источает капли Своей красоты, обещая воссоздание первоначального образа. Посему и назначил он сие время временем преображения, напоминанием о покаянии, утешителем плача, управителем слезных потоков, глашатаем возрождения, вестником обожения. Вот когда все мы, нареченные богами и сынами Всевышнего, но умирающие, как люди, в усыновлении вновь обретаем жизнь. Сие время вновь поднимает тех, кто возгордился и пал, как один из князей, и возвращает им положение сынов Всевышнего, если они смиряются в покаянии. Через него мы, которые, поев и насытившись, ответили неблагодарностью, подобно древнему Израилю, который в своей дерзости уподобился необузданным ослатам, брыкающим своих матерей после насыщения молоком, можем, постясь, вновь вернуться к Богу, как отнятый от груди младенец — к своей матери.

7. Кто же настолько развращен роскошью или измеряет жизнь потребностями чрева, что бы не радоваться и не скакать от наслаждения с приходом животворящего поста? Кто не примет с радостью, как подлинное правило и образ христианства, время сие, одесную коего идет молитва, ошую же — всеобъемлющее воздержание, за которыми следует и третья сестра: чтение Священного Писания? Не буду уж перечислять всю их свиту: ведь, по слову Соломона, *вервь треплетена добродетелей не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12). Ведь душа того, кто постится, но не молится, может задремать в унынии, а того, кто молится, но не постится — ослабить напряжение под тяжестью чрева. Но если с постом и молитвою он сплетет еще и чтение, то получит неразрывную нить, и, влекомый ею, будет восхищен даже до третьего неба, подобно апостолу, ибо пост облегчит его тело, чтение —

душу, а ум поднимется ввысь вместе с молитвой. И думаю я, что можно было бы не без изящества назвать их именами трех дочерей Иова: пост — *Днем*, ибо он затмевает своим сиянием ночную роскошь; молитву — *Кассией*, ибо она исправляется перед Богом, как благовонное кадило; чтение же — *рогом Амалфеевым*, поскольку в нем, орошаемом всякими благами, непрестанно и в изобилии процветает всевозможное счастье. И прекрасны эти трое, и не обретется им *подобных в лепоте в поднебесней* (Иов 42, 15).

8. Поражаюсь я их виду; озаряют они меня неопишуемой красотой; глас же их божественный или, вернее, проповедь заставляет представить, как будто они с заметного отовсюду возвышения как бы свидетельствуют во всеуслышание: «Все мы, о люди, постоянно сожителствуем с блаженными мужами, управляя и устранивая во всём их житие, придавая ему богоподобие; к большинству же трудящихся и заботящихся о мирской жизни спускаемся с неким запозданием, посланные Богом, неся милость несчастным и желая помочь им, дабы они ненадолго вздохнули свободно и хоть на время воспряли от тщетных трудов. И кто с радостью принимает и угощает нас, тем приносим мы свои блага. Одна из нас несет с собой вожжи для чрева, узду для гортани, намордник для прожорливой пасти, трапезу естественную и простую, питье трезвенное, сон непродолжительный и спокойствие от раздражений для срамных частей. Другая зажигает свет знания, разгоняет мрак забвения, рассеивает тьму неведения, дарует знание дел божественных и человеческих. Третья же убеждает ум освободиться из пленения, в котором он пребывает у плоти, устремиться к Богу, и, встретившись с Ним, озариться божественным сиянием. Те же, кто, вместо того, чтобы ежегодно принимать нас, затворяют двери и насмеваются, — поистине несчастны и безразличны к собственному спасению. Вот и теперь по призыву уже наступающего поста пришли мы сюда, как спасительницы людей и ходатаи за них перед Богом. Придите же, несчастные мужи, и примите нас. Мы — дщери бессмертного отца, пришедшие к вам с небес, и туда же поднимем тех, кто последует за нами. Если над кем насильничает чрево, или тяготит неистовая гортань, или кто смущен мраком неведения либо забвения, если чей ум погряз в заботах, то смотри: вот мы, чтение, пост и молитва, очищающие и избавляющие от подобных несчастий. Только мы можем смыть пятна прегрешений, только мы возвращаем милость Божию преткнувшимся.

9. Слышали вы громогласную проповедь сих трех добродетелей? Поняли, что дарят они тем, кто принимает их? Так примите же их с радостью и введите в свои жилища. Сам же я хотел бы прославить в своей речи всех троих вместе, дабы своими похвалами пробудить в вас более жаркую любовь к ним; но поскольку это кажется мне трудным и неудобным, то я выберу для прославления лишь одну из трех: чтение. Между тем своевременно будет и дать вам совет поместить сию прекрасную наставницу вперед любомудрия по Христу, дабы она сопровождала нас к деланию и созерцанию. А с другой стороны, я знаю, что много раз посвящал свою песнь посту и молитве, чтения же еще не касался и не оказал ему подобающего

уважения; но теперь прослаблю его по чести и так, чтобы явить всем его красоту. Итак, чтение древнее сих букв и первично по сравнению с ними, ибо оно сопутствует всему сущему и всему, что мы наблюдаем. Ведь о том, кто созерцает сущее и заботится о его познании, так что изо всех ежедневных событий выносит некие наблюдения, по справедливости можно сказать, что он читает божественные речения, словно по неким буквам, даже если ему неведома наука вот этой грамоты. В самом деле, усердный и трудолюбивый ученик сего всеобщего училища природы находит в гармонии природы простые элементы, и таким образом, начиная с первого избранного речения — альфы — переходит к середине и заканчивает омегой. Ведь от Бога, говорящего: «*Я есмь Альфа и Омега*» (Откр. 1, 8), — начинает он свои размышления, и в Нем же заканчивает. Далее познает он и сочетания и сложения простых элементов, как некие слоги, а также сочетания подвижных и неподвижных тел, подобные соединениям гласных с согласными. а Объемлющая всю вселенную неподвижная сфера, подобная простертой коже, напоминает открытый для чтения пергамент, или же таблички, на которых Сам Бог нанес Свой текст. Ведь говорит Писание и о табличках небесных, на которых те, кто превосходит разумением большинство, смогли прочесть много удивительного; а в конце мира небеса свернутся, как свиток. Вот как *небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь; день дни отрывает глагол, и ночь ноши возвещает разум* (Пс. 18, 2–3).

10. Но вот самое божественное и полезнейшее для всех свойство: звуки сей всемирной книги не являются понятными только каким-нибудь персам, эллинам или египтянам, прочим же непостижимыми из-за чужого языка, но звучат ясно и понятно для всех без исключения: *во всю землю исходит вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5). Такова книга неба и земли, изначально раскрытая в науку всем, ее прочли и по ней научились премудрые мужи, и, узрев, насколько сие было возможно, Бога благодаря чтению ее словес, стали творить любезное Ему. И не было в сих буквах такого учения, которого они не могли бы для себя почерпнуть: будь то относящееся к познанию божественного (насколько оно доступно для людей) или к разъяснениям того, как должно поступать. Но поскольку затем на протяжении многих веков люди, устремив всё свое внимание к земле и прилипнув к земным благам, уже не желали ни устремлять взор к небу, ни читать глаголы природы, явным образом записанные на табличках небес и всего сущего, то начали они, будучи грубыми и необразованными, презирать такое чтение, и, пренебрегая вводным курсом естественных наук, вследствие того позабыли и о метафизическом знании. Потому-то пришли они к такому неразумию, что стали чуть ли не отрицать бытие Божие, извращенные и испорченные своими повседневными занятиями. Итак, чтобы безбожие не развратило род человеческий, вводит Промысел и книгу писаного Закона, и пророческие таблички, и богодухновенные речения, дабы просветить очи людей, читающих запечатленные в буквах заповеди Божии, и тем заставить их обратить взор к Богу.

11. Итак, чтение установлено законом ради хранения всех заповедей. Сказано ведь: *«И да будут словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердцы твоём и в души твоей, и да накажеша ими сыны твои, и да возглаголеши от них седяи в дому и идыйи путем, и лежа и востая, и навяжеша я в знамение на руку твою, и да будут непоколеблема пред очима твоима; и да напишете я на празех храмин ваших и врат ваших»* (Втор. 6, 6–9). И Давид говорит: *Внемлите, люди мои, закону моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст моих* (Пс. 77, 1). А вот как описывает он блаженного мужа во вступлении к псалмам: *в законе Божиём поучится день и ноць*. И ещё: *В поучении моем разгорится огнь* (Пс. 38, 4). И Христос говорит: *Исследуйте Писания* (Ин. 5, 39); и Павел: *Занимайся чтением* (1 Тим. 4, 13). Впрочем, долго было бы перечислять все речения святых, которые предписывают предаваться изучению священных Писаний, равно как никто не сумел бы описать и всю пользу, какая бывает от таких занятий. Ибо каждая божественная заповедь, каждое учение, каждое обетование, каждая угроза или наставление сохраняются в речениях Духа, как в некоей божественной сокровищнице, и никто не препятствует любому желающему взять оттуда столько, сколько он сможет вынести на плечах или даже вывозить целыми повозками.

12. Прежде ведь сокровище Писания заключалось в пределах мелочного и подвластного закону Сиона, так что было подобно запертому саду и источнику, закрытому от язычников, как сказано: *Возвещаяй слово Свое Иакову, оправдания и судьбы Своя Израилеви, не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви им* (Пс. 147, 8–9). С тех пор же, как произошел новый закон из Сиона и слово из Иерусалима, отворяют обладатели ключа тот раскрытый сад, запечатленный же источник закона, разделяется, как на четыре реки, на четыре евангельских книги, дабы напоить всё лице земли. И ныне мы в церквах благословляем Бога, Господа от источник израилевых (Пс. 67, 27), с радостью черпаем воду из спасительных источников и слышим глас Божий, который некогда не могли услышать необрезанные сердцем (они ведь говорили: *Глаголи ты с нами, и да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. 20, 19)), а слушая, не только не умираем, но и получаем дух лучшей жизни.

13. Пусть всякий желающий знать о том, как возникла сия вселенная, с помощью Писаний сделается спутником Бога, творившего мир много веков назад, оставаясь в то же время вчерашним и сегодняшним человеком, и пусть слышит, как свидетель, приказания Творца: да будет то-то и то-то. Если же интересуется тебя происхождение рода нашего, то, обратившись к Писаниям, найдешь там его истоки, узнаешь об отечестве нашем, Эдеме, и постигнешь, каким образом ты лишился его и, словно беглец с тучных лугов, был заброшен сюда. Если же жаждешь увидеть сравнительные жизнеописания мужей, достигших вершин добродетели и других, известных своей порочностью, и узнать из сего сравнения, каких венцов удостоились первые за свою праведность, и каким карам подверглись вторые, то возьми повествования об этих мужах, и увидишь, что в дощечках Писания, как

в священных табличках, записаны все дела их. И, научившись на столь противоположных примерах, ты извлечешь для себя великую пользу: умение *уклоняться от зла и творить благо* (Пс. 33, 15). А постигнув эти основы, познакомишься ты и с самим Законодателем, так что не будешь сомневаться ни в тех благах, которые Он обещает тебе за подвиги, ни в тех несчастьях, которыми грозит за прегрешения. Но, воспитав свой нрав и изучив устройство природы, сможешь ты перевести свою мысль через вещи естественные, как по неким мостам, к тому, что лежит превыше них. Там ты совершишь таинство Христово, как бы введенный в некое таинственное место и посвященный в мистерии тайносовершителем-Моисеем и факелоносцами — пророками Духа, — и удостоверишься, что Христос, Которого вчера запечатлен Ветхий Завет, а сегодня проповедует Новый, не есть некий новый бог, но пребывает во веки, и что поклоняемся мы не чужому Богу, но тому самому, что вывел Израиль из Египта.

14. И если ты принадлежишь к большинству тех, кто скользит по поверхности букв, то довольно тебе и очевидного смысла; если же ты из тех, кто привык нырять, проникая в глубины явлений, то в награду за двойное трудолюбие постигнешь и буквальный смысл, явный для всех, и скрытый в глубинах Писания духовный. И тогда будешь ты, подобно *книжнику, наученному Царствию небесному* выносить из сокровищницы Писаний *новое и старое* (Мф. 13, 52). Но кто же исчислит множество звезд, или капель дождя, или прибрежного песка, или измерит глубины морские, которые сохраняются в великой сокровищнице священных Евангелий, апостольских трудов и речей, или беседах отцов и учителей, которые проистекают из обоих заветов? Если эти Писания будем исследовать, их чтением заниматься, то познаем и устройство сей вселенной, и учения о видимом и мыслимом, и несовершенство тленного жития, и вечное блаженство.

15. Те из нас, кто обучен грамоте, пусть приступают к чтению написанного; те же, кто не обучен, пусть слушают знающих, повинувшись их наставлению: *Аще узриши разумна, утренюй к нему, и степени дверей его да трет нога твоя* (Сир. 6, 36). Если же ты, и читая, не разумеешь, то поищи того, кто разъяснил бы тебе, подражай евнуху царицы Эфиопской, и, подобно ему, не постыдись признать свое неведение и потребность в наставнике. А то, что прочел или услышал, запечатай в памяти, словно записав это стальным стилем на свинцовых табличках памяти¹, чтобы струям забвения не так легко было стереть написанное. Ведь глаголы божественные и являются, и зовутся сокровищем, и требуют крепкой стражи, которая скрывала бы их в непроницаемой сокровищнице сердца, как сказано: *В сердцах моих скрыты словеса твоя* (Пс. 118, 11) и *В чесом исправит юнейший путь свой? Внегда сохранити словеса твоя* (Пс. 118, 9). Поскольку же слово Божие зовется и семенем, то нужно, чтобы оно не валялось на поверхности, но скрывалось во глубине сердца, как в бороздах земли, чтобы не оказаться легкой добычей для птиц, и остерегаться терниев забот, поскольку и они способны задушить его, о чем сказано: *Упразднитесь и разумеите* (Пс. 45, 11). Ведь как знание, приобрета-

емое чтением, следует за покоем, так и за множеством забот — забвение святых Писаний и невежество.

16. Надежная же охрана божественных словес — это, во-первых, непрестанное и памятливое чтение, спаянное с радостным приятием душою прочитанного. Другая стража — та, которая надежно охраняет приобретенное знание в делах, свидетельствуя о его одушевленности. Ведь Бог порицает того, кто читает божественные речения, но ведет противную им жизнь, говоря: *Вскую ты поведаети оправдания моя и восприемлещи завет мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса моя вспясть. Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси; уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташа льщения* (Пс. 49, 16–19). Ибо не слушатели закона будут оправданы перед Богом, но те, кто исполняют его. Недаром некий подвижник семнадцать лет изучал следующий стих псалма: *Рех: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим* (Пс. 38, 2), — и утверждал, что даже после стольких размышлений не понял его. Итак, мы призываем не к простому слушанию, и считаем, что нам подобает не просто ловить краем уха божественные поучения, но скрывать их в глубине сердца, а когда надо — руководствоваться ими на деле. Но, как мне кажется, из всего, что к этому относится, стоит послушать следующее речение Сираха: *Премудрость книжника во благовремени празднества... Чим умудрится держай орало и хваляйся остном, гоняй волю и обращайся в делех их... и бдение его на насыщенных юнчих? Тако всяк древоделя и архитектон... делая изваяния печатей... Такожде и ковач сидя близ наковальни... курение огня удручит тело его, и теплою пеци утрудится... Такожде и скудельник... вертя ногама своима коло* (Сир. 38, 24–32), мнет глину и создает из нее то один, то другой сосуд. Ибо *все сии ремесленники на руки своя надеются, и кийждо в деле своем умудряется* (Сир. 38, 36), о слушании же речей, изучении священных законов и учениях премудрости ничуть не заботятся.

17. Если же и большинство из нас, занятые такого рода повседневными трудами, будут ставить рукоделие превыше всякой праздности, поскольку лишь оно доставляет нам необходимое ежедневное пропитание и позволяет сохранить свою жизнь, то как же сможем мы учиться слушанию и приобретать мудрость в делах божественных? На это ссылаются многие из пренебрегающих чтением или слушанием, насмехаясь над простотой и безделием. Таковым дам я простой и справедливый ответ: для того ли Бог *изобрете всяк путь хитрости и даде ю* (Вар. 3, 37) нам, чтобы мы, вечно склоненные над своим трудом, не могли разогнуть спину для молитвы или слушания словес? Для того ли даны нам руки искусные, чтобы они, вечно занятые ремеслом и страждущие, не могли даже на краткое время быть простертыми к Богу? Для того ли уму дана склонность к познанию, чтобы он оставался неученым и не помышляющим о словесах духа? Конечно же нет, братья; не будем столь безрассудными, чтобы осмеливаться обратить в начатки неразумия именно то, посредством чего учат нас возносить благодарение Богу. Есть у

тебя время, приятель, для сна, пищи, развлечений, купания, посещения рынка и праздных бесед, которые гадко и слушать, а для молитвы и поучений нет? Или все эти вещи необходимы, так что прожить без них нельзя, а вот без молитвы и чтения — можно? Но никто из наделенных разумной и благочестивой душой не сможет сказать такого, не оказавшись далеко за пределами христианского любопытства. Конечно, если бы мы приняли решение совершенно оставить свои занятия и ежедневно пребывать здесь с утра до вечера, вам легко было бы сослаться на невозможность оторваться от повседневных дел и ремесел; но если мы сочтем правильным уделить душе некую небольшую часть времени, то такое возражение окажется менее обоснованным, а то и вовсе несправедливым.

18. Но ты скажешь: «Ведь я человек невежественный, и не понимаю того, что читают». Так приклони ухо свое к словесам духа, избавься от невежества, прислушайся к мудрости учащего, и умудришься. Но нет у тебя человека, способного научить первоосновам грамоты, чтобы ты, проводя время возле него, трудами и потом приобретал бы образование? Что ж, Бог умудряет без труда и просвещает без затрат времени; сказано ведь: *И будут все научены Богом* (Ин. 6, 45). И как немногими словами дарует он спасение тому, кто верует сердцем и исповедует устами, что Иисус есть Господь, так и учит посредством немногих слогов, в которых слагается вся сила Писания и заключается всё великое множество букв алфавита. Ибо Дух есть искусный писец, который записывает на плотских скрижалях сердца всю премудрость Закона, в простых словах обучает высшему знанию и, описывая беспредельное в определенном, представляет всё вместе одним словом.

19. Если желаете, подскажу я вам некоторые из главных евангельских слогов, и вы почувствуете, как внезапно умудритесь, так что уйдете отсюда премудрыми и знающими всю суть справедливости. Сюда, всяк желающий научиться, подойди к училищу духа, прикоснись к легко доступному уроку, исполнись познания и разума, научись премудрости в один день или, вернее, сей же час. Пусть никто не пренебрегает уроком, ни один земледелец, ни один ремесленник; пусть слушают и женщины, и юноши, и девы, и отроки. Пусть и древний старец не стыдится приступать к учению, ибо священные слова, которые я хочу прочесть, доступны всякому полу и возрасту, обладая силой дать спасительную премудрость по вере в Иисуса Христа. Итак, вот они: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6, 31). Слышали вы божественный урок, поняли, как в сих немногих сжатых слогах собрана вся суть справедливости? Сии слоги изучите, начертайте их на скрижалях сердец ваших, и тем самым, сложив всё богодухновенное и полезное Писание, сохраните его в мыслях ваших.

20. К чему разворачивать многие свитки закона и пророков или в течение долгих лет предаваться изучению права, когда, можно сказать, все они стекаются к единой заповеди, как к единому центру, и вновь расходятся от одной точки: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними?* Прошу вас,

внимайте мне: как бы вы хотели, чтобы с вами поступали люди? Не справедливо ли, человеколюбиво и благотельно? Хотите, чтобы они делали вам добро, нелицемерно любили на словах и на деле, хвалили, радушно и почтительно приветствовали, встречали с честью, выказывали во всем благое расположение? Хотите обрести в их лице утешающих в скорбях, разделяющих вашу радость, защитников в опасностях, сострадающих страданиям, дающих просимое, одалживающих безвозмездно, всегда готовых простить вас, в чем бы вы против них ни согрешили? В таком случае, и вы делайте то же самое, сделайте по отношению к ним такими, какими хотели бы их видеть по отношению к себе. Или, опять-таки, вам хотелось бы, чтобы другие вас не обижали, то есть не отнимали, не захватывали и не присваивали несправедливо ничего из принадлежащего вам: ни поле, ни животное, ни жилище, ни любовь жены? Тогда и вы не причиняйте им никакого такого вреда.

21. Сколь справедливо, ясно и легко постижимо сие законоположение! Видите, как в один миг вы познали все законы справедливости с помощью сей краткой заповеди или, вернее, припомнили их, поскольку каждый носит в своем сердце правило справедливости, начертанное там природой. Какая подготовка, сколько уроков, сколько времени от нас потребовалось бы в сравнении с тем, чтобы познать науку справедливости без всего этого и за каких-то полчаса? И не подумайте, что лишь это речение, которое я прочел, является кратким и легко постижимым, другие же пространны и трудны для разумения, ибо все они родственны и исходят от того же наставника-Духа. Вот, например, *Возлюби Господа Бога твоего... и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10, 27): слово сие и ясно, и содержит в себе смысл всех заповедей. Или же *да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37), которое учит всякой премудрости и отвращает от всякого коварства и клятвопреступления. Итак, будет ли кто еще ссылаться на невежество или занятость? Каждый может в недолгие минуты праздности столько услышать и столько научиться, чтобы глаголать это от сердца и повсюду произносить устами. Итак, поскольку мы изобличили тщетность всяческих отговорок, пусть каждый, распрощавшись с подобными предложениями, приступает к чтению, просвещается и, по словам Иакова, брата Божия, *просит мудрости у Бога, дающего всем просто и без упрёков* (Иак. 1, 5).

22. Будем остерегаться, как бы не прошли наши дни незаметно в тщете, так что ночью бы мы только и делали, что спали да храпели, а в светлое время суток предавались пустопорожней болтовне, в которой чтение Писаний никогда не достигает ушей, так что остались бы несведущими в речениях Духа и уподобились пустыне, где никогда не проливается дождь Писаний Ветхого или Нового завета. Ведь об этом говорит следующая страшная угроза: *«И дам им глад и жажду; не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня»* (Ам. 8, 11). Или вы не знаете, что, чем хлеб и вода служат для тела, тем же и слово — для разумной души, и что, как сие тело не сможет производить питательные соки и внешние истече-

ния без пищи, так и разумная душа не выживет, лишенная пищи и пития в виде словес божественных? Ведь если бы мы управлялись душой растительной, то достаточно было бы нам просто питаться от земли, чтобы жить; если бы сверх того необходимо было кормить душу чувственную, то пришлось бы попросту видеть, слушать и вообще делать и ощущать всё то, чего требуют органы чувств. Поскольку же вместе с растительной и животной жизнью Бог вдохнул в нас разумную и мысленную, то как же можем мы, приобщаясь к низшим и худшим частям жизни нашей, не ставить ни во что человеческую и лучшую, от которой люди получили свое бытие и прозвание? Если мы радуемся жизни лишь потому, что питаемся и производим себе подобных, то чем отличаемся от сосны или дуба? Если же мы считаем себя живыми, поскольку можем видеть и слышать и испытываем то гнев, то наслаждение, то сами не замечаем, как отдаем предпочтение жизни скотской или, по слову Писания, прилагаемся *скотом несмысленным* и уподобляемся им (Пс. 48, 13).

23. Итак, что же создает человека и делает его образом божественного благородства? Что же еще, как не слово, украшенное всесторонней праведностью? Ибо благодаря ему человек становится поистине человеком; в приложении же к остальным это имя ложно или, как пишут, омонимично. Свидетель этому пророк, воскликнувший стоя посреди многолюдного тогда Иерусалима и будучи окружен многотысячными толпами: *Приидох и не бяхе человека; звах и не бе слушающаго* (Ис. 50, 2). И вот по этому самому, что не было среди слушавших ни одного человека, обращается он к бездушным стихиям, говоря: *Слыши, небо, и внуши, земле* (Ис. 1, 2), и предсказывая вдобавок, что они, видя, не увидят, и слыша, не услышат (Ис. 6, 9). Не свидетельствует ли это о том, что люди были попросту статуями, не менее бесчувственными, чем языческие идолы? Но чтобы вы знали свойства истинного человека и не обманывались, считая каждого человека подлинным, давайте я опишу его, руководствуясь определениями Писания. Соломон, описывая в своем «Екклесисасте» тщетные занятия обычных людей, под конец как бы определяет человека подлинного, говоря: *Конец слова, все слушай: Бога бойся и заповеди его храни, яко сие всяк человек* (Еккл. 12, 13). Мудрая же книга Иова, сообщив, что *бе он человек истинен*, затем, как бы показывая, какого человека называет истинным, приводит его качества: *непорочен, праведен, богочестив, удаляясь от всякия лукавья вещи* (Иов 1, 1). А великий Моисей, говоря: *Сия же бытия Ноева*, — не прибавляет сразу: *Роди же Ное три сыны*, — но, как если бы праведность была его истинным бытием, вставляет: *Ное человек праведен, совершен сый в роде своем, Богу угоди Ное* (Быт. 6, 9–10). Иезекииль же, рассматривая качества, благодаря которым человек называется истинным или праведным, более тщательно, говорит: *Человек же, иже есть праведен, творяй суд и правду, на горах не снесет... и жены ближняго своего не осквернит и к жене в месячных сущей не приблизится, и человеку не насильствует... и хищением не восхитит, хлеб свой алчному даст и нагого облечет в ризу, и сребра своего в лихву не даст и прибьтка не возмет, и от*

неправды отвратит руку свою и суд сотворит между мужем и ближним своим, и в заповедех моих ходил и оправдания моя снабдел, еже творити та: праведен сей есть, жизнью жити имать (Иез. 18, 5–9).

24. Уразумели вы, братия, каков истинный человек, и какова поистине человеческая жизнь, так что, насколько разум отделяет обычного человека от прочих животных, настолько же человек подлинный отличается от обычных праведностью? Но увы моей немощи! Насколько естество наше становится поистине человеческим или божественным благодаря праведности, настолько же мы неправедными делами обращаем его в зверское, искажая черты образа Божия, то есть праведность и разумную речь, которые надлежит сохранять и поддерживать с помощью чтения. И согрешаем тем же, чем и древние египтяне: они ведь воздвигали статуи ибисов, волков, соколов и собак, полагая, что тем воспроизводят божественное подобие; мы же, оскорбляя божественную часть своей души, не запечатлеваем в ней черты боговидные, но низводим ее до качеств, присущих зверям и птицам. И вот орлом, хищным ястребом и прочими птицами с загнутым клювом и кривыми когтями, каких и закон запрещает вкушать, мы и сами гнушаемся как злодеями, чинящими обиды птицам слабейшим; сами же, когда взлетаем, готовые наброситься на себе подобных, не только не скрываемся, но и впустую хвастаемся тем, что произошли по образу Божию и преобразились во Христе. Так и многие из древних тиранов и царей, страстно желавшие уподобиться божеству, не заботились о правосудии и справедливости, но, предпочитая прославиться скорее насилием и могуществом, чем праведностью, радовались, когда их называли перунами, полиоркетами и тому подобными именами.

25. Мы являемся и зовемся образом Божиим; образ же есть подобие прототипа. Итак, ищу я и в нас черты Бога-первообраза: нетленность, изначальное благо, праведность, и нахожу их все извращенными. Ведь из-за горькой снеди сделались мы смертными, а из-за гордости — беглецами из царских чертогов Эдема, лишенными своего пурпурного облачения; осталось нам лишь поступать по справедливости, и сие деяние, как наиболее царственное и божественное, может вернуть нам и прежние блага. Потому и сказано: *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20), то есть, не уподобитесь вновь нетленному Царю. Однако мы не только что не превосходим праведностью книжников и фарисеев, но уступаем даже и некоторым из эллинов. Смотрите же, сетуйте и сокрушайтесь: ведь нелишним будет подробнее порассуждать о справедливости, благе столь же полезном и заключающем в себе всякую добродетель, сколь редко и слабо проявляется оно у нас.

26. А чтобы мне самому не перечислять все их справедливые деяния, стоит послушать, как один из них рассказывает об этом сам, и, конечно, не лжет, поскольку, молясь Богу, Который ведает о его делах, упоминает и о том, что скрыто: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодей, мытари: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приоб-*

ретаю (Лк. 18, 11–12). А кто же из нас не только ничего не похитил и никого не обидел, но и уделил Богу часть своего имения? Кто в течение всего года проводит два дня в неделю в посте, когда мы не постимся так и во время Четыредесятницы? Или кто, не совершив всего этого, по крайней мере обладает смиренномудрием? Ведь разве не правда, что мы настолько же уступаем фарисеям величием дел, насколько превосходим их похвальбой, тем самым не только не превосходя послушников закона, но и умаляясь перед ними? Если же окажется, что мы уступаем даже и элинам, по крайней мере в делах справедливости, то какой Иеремия оплачет нас по достоинству? Ведь поистине достойно многих слез, что у элинов любовь к нищете расцвела в лице Аристиды Справедливого, сына Лисимаха: он, человек неимущий, был послан на острова для сбора налогов и вернулся оттуда еще беднее, за что заслужил общее восхищение и сделался примером для подражания. А у нас никто не хочет подражать нищете даже ради Христа, который Сам был нищим и назвал блаженной добровольную бедность.

27. Аристид гордился и величался потертым плащом и недостатком других необходимых вещей, мы же, христиане, стыдясь нищеты, одеваемся в то, что приобрели несправедливо; он даже не позаботился выдать замуж прекрасных дочерей, так что они, возможно, до старости остались бы девами, если бы после смерти отца город не устроил их брак на общие средства, а вот каждый из нас, ссылаясь на потребность воспитывать детей и выдавать дочерей замуж, стремится собрать у себя все материальные блага. Потому-то простирается повсюду множество сетей несправедливости, и каждый становится жертвой не одной, так другой из них: один, проникая по ночам в чужие дома, крадет там одежду, другой, не скрывая беззакония, похищает чужое, третий клеветничает, четвертый лжесвидетельствует, пятый дает взятки и подкупает судей, шестой предаёт сограждан и отечество ради жалкой выгоды, пятый похищает скотину либо присовокупляет соседское имение к своему или отбирает иное имущество соседа. Кто присваивает соседское дерево или распахивает лежащий рядом участок, кто обмеривает и обвешивает, обрезая меры, переходы, мерные кружки, ладони и локти². Обижает и ростовщик берущего взаймы, и составитель описи — налогоплательщика. Обижает работника тот, кто лишает его платы.

28. Но что я стараюсь перечислить все разновидности хитроумной несправедливости, число которых превосходит множество рук Бриарея? Скажу и о другой, более распространенной несправедливости, которая большинству не кажется несправедливостью. Все мы проявляем любостыжание, когда, заботясь о ежедневном пропитании, создаем запасы, превосходящие меру достаточности. Ведь всё, чем мы завладеваем сверх ежедневного пропитания и необходимых одеяний, мы присваиваем себе несправедливо, как бы лишая этого нуждающихся, ради которых оно и было доверено нам, как неким стольникам или казначеям, которые обязаны как следует распорядиться излишками. И не возмущайтесь: слова эти — не мои собственные, но единого Наставника и Учителя всех Христа, Который го-

ворит: *Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?* (Лк. 16, 11–12). Неправедным и чужим богатством названо здесь всё, превосходящее ежедневную потребность, как принадлежащее бедным и присвоенное нами несправедливо, хотя мы должны были бы отдать это им, как некий непреременный долг.

29. Итак, если даже то богатство, которое кажется нам собственным, на самом деле является чужим и принадлежит нищим, а потому неправедно, ибо удерживается нами из любостяжания, так что мы, конечно, подлежим наказанию за то, что не распоряжаемся им, как подобает разумным и верным домоправителям, а своекорыстно и хитро присваиваем, то подумайте, сколько и какие кары ожидают тех из нас, кто расхищает у нищих даже то небольшое, что им остается! Боюсь, как бы не осудили нас и эллины, как ниневитяне и царица южная осудили бы *род неверный*, о котором говорил Христос. Они ведь так заботились о справедливости, что даже издали закон, определявший размеры насаждений, по которому всякий, кто хотел посадить на своем поле какие-либо растения, должен был отступить от соседского участка пять футов, а сажавший figу или оливу — девять³. Ведь корни этих деревьев могут простираться на большее расстояние, тем самым отбирая питание у соседских растений, и к тому же от них исходят истечения, которые могут повредить некоторым из насаждений. А мы, несправедливейшие соседи на свете, отрезаем себе целые пограничные поля, и несчастны те, к чьим владениям подбираются границы наших земель: ведь они, не вынося несчастий от такого соседства, переселяются в другие места, спасаясь, как от огня или змей. А после того помешают ли нам горные хребты или море накинуться на тех, чьи земли лежат дальше? Во всяком случае, ни проезжая дорога, ни плетень, ни валы со рвами, ни каменные насыпи не могут послужить достаточной защитой. Вот какая жажда к приобретению большего неудержимо преследует нас, как овод; а посему по справедливости наводятся на нас и новые кары, тяжелейшие праотеческих.

30. Но *праведен еси, Господи* (Тов. 3, 2), *и вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси* (Дан. 3, 31). Ведь поскольку недостаточно нам, бесчувственным, наказания в виде терниев, пота лица, волчцов, проклятой земли, то теперь наложено на нас, братоненавистников, как некогда на братоубийцу Каина, и иное проклятие: чтобы возделывали мы землю, *и не приложит силы своя дати нам* (Быт. 4, 12). Ибо Аттика наша, почти со всех сторон окруженная морем, скудно вознаграждает за пролитый пот или, вернее, как пот, так и кровь, причем не только ту, которая сочится из рук земледельцев, уязвляемых терниями и колючками, но и ту, которой они истекают под ударами пиратских клинков. А между тем, вот какие дополнительные тягобы нам назначены; так что же воспевать налоги, подати, дани и практоров, подбирающих оставшиеся колосья? Не видите, как ежегодно простираются веревки, измеряющие землю, или, лучше сказать, ввергающие ее в узы (ведь не стоит осквернять славное понятие «геометрия», прилагая его к столь низкому предмету)? Видите, как оценивают и

песок, и морские отмели, где произрастает только тимьян? Некогда, во времена Писистрата, эту землю, как приносившую муки и терзания, облагали десятиной, а ныне тщательно взвешивают, как если бы она уподоблялась плодородием египетской, и считают цветущей и богатой, как если бы этот бурный Илсс орошал ее подобно кормильцу-Нилу, а потому измеряют более тщательно⁴. И вот я могу предсказывать наше злосчастье таким же образом, как египтяне — свое счастье: ведь те, локтями измеряя подъем воды, судят о благоденствии, которое принесет им река, я же, со всею ясностью видя, что за этим последует увеличение налогов, огорчаюсь.

31. Отчего же не сосчитать все вообще растения, всякий побег, каждую дикую маслину, каждое старое дерево и, главное, все, что относится к здешнему «золотому поясу», не знаю уж, отчего названному этим именем, хотя ему лучше было бы называться выжженным поясом, а не золотым?⁵ И в самом деле, это имя, во-первых, было бы естественнее для земли, в которую с трудом «вопьется и тонкое масло»⁶, так что она и не утучняется, и более изобильные воды ее бы не напоили. К тому же почти всё здесь поражено спорыньей, губящей цветы, да и вечной зеленью похвалиться не может, *яко теревинф отметнувший листья, и яко вертоград не имый воды* (Ис. 1, 30). А во-вторых, может быть, она не так привлекала бы переписчиков, которые, очарованные именем золота, надеются обнаружить, что здесь, если и не произрастают вместо плодов смарагды, как на Пигмалионовой золотой оливе, то уж во всяком случае рождается некий золотой песок, подобно тому, как, говорят, тополи-гелиады плачут золотыми слезами⁷. Ведь ничто иное не повредило нам так, как то, что многое здесь зовется золотым: златые Афины, золотой пояс, серебряные копи и опять-таки великолепные и прославленные Афины. Ибо многие, понахватавшись софистических речений, воспевают все эти вещи и тем самым, как водится, делают Афины желанными для жадных до золота ушей, словно некий неиссякающий золотой источник, подобно тому, как желчь и свинец обманывают взор, воображающий настоящее серебро и золото. Но что говорить об этом, когда, что самое печальное, и железная руда ничуть не менее увеличивает наши тяготы, так что залежи ее являются сущими входами в подземное царство, от которых веет публичным сбором, словно хароновой пошпиной?

32. Итак, за что же нам это отягощение тягот, за что? Дайте ответ на вопрос, мужи братия, и, если можете нас утешить своим словом, скажите его. В противном случае пусть каждый из вас возлагает вину, на что ему угодно; я же не скрою от вас того, о чем уже давно размышляю. Ведь, кроме всего прочего, полезно будет не удивляться таким несчастьям, как если бы они приключились беспричинно и сами собой, а великодушно и благоразумно сносить их, как некое отеческое наказание от Бога, по-учительски заставляющее нас отвратиться от преходящего и обернуться к горнему. Мысль же моя вот в чем: Бог, изгнав человека из рая за пренебрежение божественными заповедями, не осудил его на вечное изгнание, но приоткрывая некую щель для возвращения, предназначает для него жизнь мно-

готрудную и скверную, оцетинившуюся терниями и жалящую волчцами, дабы человек, живя легко и в свое удовольствие, не возлюбил зарубежное житие и, прилепившись к преходящему, не впал в полное беспамятство (ведь так юный беглец, служа влюбленной в него чужеземке, забывает о матери и презирает родителей), но, страдая и перенося лишения, тяготился здешним миром и вспоминал об отечестве. Именно так случилось и с евангельским блудным сыном: быть может, он и не вернулся бы вовсе к отеческому очагу, если бы мог всё время жить *блудно*, располагая достаточными средствами, чтобы предаваться наслаждением; однако сильный голод и невозможность насытиться даже рожками напомнили ему о том благоденствии, которого он лишился, и побудили вновь устремиться к нему.

33. Потому-то мы несчастны, наги и нуждаемся во всём; потому едим хлеб только в поте лица; отсюда же тернии, волчцы, многотрудное житие, и то, что все мы здесь — чужеземцы и странники, так что не можем назвать своей землю и на протяжении одного шага. Свидетельством тому налоги, пошлины, да сверх того и вымогатели-практоры. Поскольку же мы, даже вынужденные влачить такую жизнь, столь сильно побуждающую отвратиться от нынешнего и преходящего, вспомнить же о будущем и вечном и возжелать тамошнего блаженства, божественные кары, как нечто незначительное, презираем, а почитаем и любим настоящее, крепко за него ухватившись, как за достояние отеческое, так что ничуть нас не заботит, есть ли где-то какой-то Эдем и рай в Эдеме, то и Бог усугубляет кару и утяжеляет наказание, к поту примешивает кровь, заостряет перья землемеров пуще терний, являет таблички с записями налогов в дополнение к волчцам. Поскольку же земельные участки почитаем мы наилучшим своим наследием, то и обрушиваются на наше богатство измерительные веревки, опутывая его злее всяких удавок, дабы мы, *привлачающие грехи яко ужем долгим, и яко ига юнична ременем беззакония своя* (Ис. 5, 18), хотя бы благодаря им оплакали свои прегрешения и прекратили присваивать земли соседей.

34. Вот по какой причине, как я полагаю, увеличены для нас прародительские тяготы. Отсюда и череда прочих несчастий, и чиновники, один за другим измеряющие поля и подсчитывающие деревья, причем каждый последующий тщится превзойти своих предшественников прибавками налогов, избличая неточности в их измерениях столь же тщательно, как математики — в неправильных чертежах. Ведь как те могут соединить любые две точки прямой линией, так и эти обладают великой властью описывать площадь измеряемых участков по собственному усмотрению. А хуже всего, что они, как некие современные демиурги, умеют пером и чернилами преобразовывать естество вещей, без зазрения совести переделывая солончаки в тучную почву, неплодную землю — в плодородную, безводную — в орошаемую. Превращают они сухой ствол в раскидистую маслину, густо покрытую листьями, дикие оливы — в культурные, молодой побег — во взрослое дерево, только что насаженный виноградник — в богатый гроздьями и возделанный, хотя несчастный садовник, может быть, даже и не пьет этого вина,

и не только потому, что, по пословице, многое может случиться между кубком и краем губ⁸, но и потому, что винограду угрожают многие несчастья, то есть засуха, спорынья, град, заморозки, и гусеницы — этот бич наших садов. И может так получиться, что земледelec, вместо того, чтобы выжимать молодое вино, срежет *гроздь желчи и гроздь горести* (Втор. 32, 32), обманувшись во всех своих тщетных надеждах, да еще и вынужден будет от пустой *кошницы* (Втор. 26, 2) внести подать. Удивительно, как это вы, дерзающие на всё, и небо над нашими головами, по большей части *медное*, не измерите пядями¹⁰ и не заставите его щедро проливаться дождем, раз уж почву только что не горстями измеряете, превращая своими перьями *железную* (Втор. 28, 23)⁹ землю в рыхлую и тучную пашню, а безводный участок — в орошенный, подобно тому, как Моисей произвел воду из скалы своим посохом.

35. Вернемся, однако, к тому, с чего начали. Вот каким образом и по какой причине набросились на нас все сии злобные демоны в виде практоров с их взысканиями; мы же, вместо того, чтобы почувствовать силу гнева Божия и воздержаться от страстной привязанности к земному, даже и наказание переносим бесчувственно, лишь сильнее прилепляясь к преходящему, и, сжигаемые жаждой большего, дальше простираем сети несправедливости. Так что, если бы обладали мы ушами, способными воспринять глас Божий, то вновь услышали бы порицание: *Что еще уязвляете, прилагаяще беззаконие* (Ис. 1, 5)? Потому-то, да еще из-за умножения несправедливости, охладела у большинства любовь, и разрываем мы единое слаженное тело, глава коего — Христос, а мы — члены, и восстаем друг на друга, идя войной каждый против каждого: земледельцы на горожан, горожане на земледельцев, соседи на соседей, сонаследники — на своих родичей. Ибо меч любостязания, рассекая всякую связь, не щадит даже родственных уз, но разводит членов семьи на противоположные стороны, так что делаемся мы скорее любостязательными, чем братолюбивыми.

36. Доколе же это, братия? Доколе мы, словно безумные, будем, не ведая собственного состояния, с радостью терзать себя? Не протрезвеем ли, не образумимся? Не оглядимся вокруг, не пойдем, кто мы такие, откуда пришли сюда, каково наше отечество, Кто и куда призывает нас? Имея уши, не услышим, но, подобно жестокосердному Израилю, и сами очерстеем сердцем, и как те люди, ставя ни во что землю обетованную, жаждали Египта, так и мы цепко ухватимся за землю, а небесные блага будем презирать? Вострепещем же, слыша угрозу: *Яко кляхся во гневе моем, аще внидут в покой мой* (Пс. 94, 11). Ибо Христос обещал *всех привлечь к Себе*, когда вознесен будет *от земли* (Ин. 12, 32), и действительно вознесся сперва на крест, а после и на небо, и всех влечет к себе, наставляя и убеждая устами евангелистов, апостолов, пророков, учителей; мы же не повинuemся зовущему, противимся влечению и бежим от него, так что, как ни тягостно говорить об этом, оставили веру, отбросили отеческое христианское мудрование, позабыли о небесном жительстве и блуждаем сердцем, гонимые мучительной жаждой

земного, как оводом, хотя жительство наше на небесах, где приготовлены для нас нерукотворные и вечные скинии. А кто видел это своими глазами и перед кем может засвидетельствовать свою правоту? Да тот, кто, поднявшись *до третьего неба* (2 Кор. 12, 2), поведал поднебесной церкви о том, что увидел там.

37. Итак, не постыдимся ли тому, что, всё время пресмыкаясь по земле, подобно так называемым земляным червям, никогда не поднимем взор горе, не разглядим небо? Там жительство наше, там отечество, там *город, имеющий основание* (Евр. 11, 10), там мы будем считаться благородными и первородными гражданами, туда вперед нас вошел Христос, чтобы и мы последовали за Ним. Он, поднявшись туда после креста и воскресения, назвал Своего Отца и нашим отцом, Он, Сам будучи Господином, сделал рабов своими братьями, дабы ввести в тамошнее Царство, как сонаследников; мы же, люди, умираем в земных трудах и, подобно одному из князей, низвергаемся с небес. Так какого же плача мы заслуживаем? Быть может, если бы все небеса со всеми их обитателями в один голос горестно возопили о нас, то оплакали бы нас по достоинству? Едва ли, если, конечно, мы пребудем в столь же жалком состоянии даже и в тот день. Но хотя бы теперь осознаем, до какой степени зла дошли, придем в себя и, согласно написанному, обратимся в других людей: плотские в духовных, люди смертные в нетленных сынов Божиих.

38. Сего хочет от нас и настоящее время, когда прекрасная Церковь преобразовывает чад своих изменением к лучшему, которое Давид называет *изменой десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), и, словно любящая мать, отнимающая младенца от груди, предлагает более твердую пищу, возвращая их в Царство небесное, как мужей *совершенных, у которых чувства приучены навыком* (Евр. 5, 14). Посему и полагаются, насколько возможно, воздерживаться от яств (ибо и в Царствии небесном не едят и не пьют), а также удаляться от мирских дел и усердно молиться, дабы первое научило нас чувствовать себя странниками в этом мире, а второе позволило непосредственно общаться с Отцом Небесным. Сверх того установлено и целомудренное воздержание от брачного общения, *ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Мф. 22, 30).

39. Итак, всякий, кто неложно называется христианином — сим новым именем, подобающим новому человеку — пусть примет и сие время, как мерило истинного христианства. Если он — частица Христа распятого, то пусть не делается врагом креста, ведя житие расслабленное и нетрудное, пусть не *отходит* от Христа, обращаясь из Его ученика в сатану, как тот, кто *думает не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16, 22), но вместо этого возьмет крест и следует за Ним, умерщвляя себя ради жизни. Если кто надеется *есть и пить за трапезою Христа* (Лк. 22, 30), то пусть сначала очистит себя голодом и жаждой, пусть плачет, чтобы утешиться, рыдает, чтобы возрадоваться, молится, чтобы быть услышанным, читает или слушает читающего, чтобы просветиться. Пусть *упразднится и разумеет* (Пс. 45, 11), и тогда сможет обойтись без наших напоминаний. *Пожелайте* на все источники Писания (Пс. 41, 2), напейтесь от них вволю, и вам уже не понадо-

бится тот небольшой кувшин, который могу почерпнуть от них я. Уделите время книгам, и они, насытив вас своей сладостью, позволят воскликнуть вместе с Давидом: *Коль сладка гортани моему словеса твоя: паче меда устом моим* (Пс. 118, 103).

40. Поскольку же по справедливости можно уподобить Писание и благоуханному и тучному полю, которое благословил Господь, на поле же этом спрятано сокровище, то есть познание сущего, то давайте приобретем это поле, продав, согласно Господней заповеди *всё, что имеем* (Мф. 13, 44), и сделаемся самыми настоящими богачами. Сердца же — другое наше поле — будем очищать деланием священных заповедей, и, вырвав с корнем заботы, словно тернии, узрим, как чистые сердцем, обитающего в них по вере нашей Христа. Тогда обретем мы все таящиеся на нем сокровища премудрости и ведения, которые будут явлены нам сообразно тому, насколько мы очистим себя постом, молитвой и, конечно, милостыней; сказано ведь: *Продавайте имущества ваши и давайте милостыню* (Лк. 12, 33) и *тогда всё будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Ибо, таким образом очищенные, мы в чистоте встретим Спасителя, который ныне воскресает из мертвых, а в будущем сойдет с небес, яко Ему слава вечная. Аминь.

Комментарии

¹Выражение «скрижали памяти» (греч. δέλοιο φρενῶν) встречается в трагедии Эскила «Прометей прикованный», а также в одном фрагменте утраченной трагедии Софокла [Aesch. Prometh. 789; Sophocles. Fragmenta // Tragicorum Graecorum fragmenta / Ed. S. Radt. Fragm. 597].

²Михаил Хониат перечисляет ряд единиц измерения, известных с античности, но продолжавших бытовать и в византийское время:

мера (μέτρον) — здесь, видимо, мера объема, применявшаяся для измерения жидкостей. Существовало несколько вариантов меры, значение которых могло колебаться в достаточно широких пределах (6–20 л) [Shilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970 [Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. Tl. IV]. S. 113];

переход (σταθμός) — термин, в одних случаях выступавший в качестве синонимичного понятию «миля» (μίλιον; ок. 1,5 км), а в других — служивший обозначением пути, который пешеход мог проделать за день (ок. 50 км) [Shilbach E. Op. cit. S. 33, 36];

кружка, или ксест (ξέστης) — мера объема. В античности ксест, употреблявшийся для отмеривания вина, равнялся 0,544 л. Как указывает Э. Шильбах, в средние века данная мера употребляется редко и нерегулярно, что не позволяет с уверенностью судить о ее значении [Shilbach E. Op. cit. S. 115];

локоть (πῆχυς) — мера длины, чаще всего равнявшаяся 46,8 см (1 πῆχυς = 1½ πόδες = 6 παλαισταί = 24 δάκτυλοι). Встречался также локоть, равный двум футам (πόδες) [Shilbach E. Op. cit. S. 20–21];

ладонь (παλαιστή) — мера длины, соответствовавшая четырем пальцам (δάκτυλοι) и равнявшаяся 7,81 см [Shilbach E. Op. cit. S. 18].

³ Об этом установлении, приписываемом Солону, сообщает Плутарх в его жизнеописании [Plut. Sol. 23, 5].

⁴ Буквально «более точными локтями» (ἀκριβεστέροις τοῖς πήχεσιν), что может означать также выбор из нескольких вариантов номинально одной и той же единицы измерения того, который имел бы меньшую длину.

⁵ Именование Афин «золотыми» характерно для восприятия этого города византийскими авторами (подробнее см.: *Kaldellis A. The Christian Parthenon. P. 122–126; Breitenbach A. Das 'wahrhaft goldene Athen': Die Auseinandersetzung griechischer Kirchenvlitter mit der Metropole heidnisch-antiker Kultur. Berlin, Wien, 2003 [Theophaneia: Beiträge zur Religions- und Kirchengeschichte des Altertums 37]). Упоминание о некоем «золотом поясе», к которому должна относиться Аттика, встречается в переписке Михаила Хониата и Евфимия Малака [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 20:22 (P. 24); Εὐθυμίου τοῦ Μαλάκη μητροπολίτου Νέων Πατρῶν (Ἰπάτης) τὰ Σφζόμενα // Ἐκδ. ὑπὸ Κ.Γ. Μπόνη. Ἐν Ἀθήναις, 1937. Epist. 1:18 (Σελ. 38)]; судя по всему, образ был хорошо понятен современникам, хотя его корни не прослеживаются в античной литературе.*

⁶ Od. VII, 107. Именно эту цитату использует Михаил Хониат в своем письме к Евфимию Малаку [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 20:25 (P. 24)], доказывая неправоту представления о «золотом поясе».

⁷ О «Пигмалионовой оливе», представляющей собой сработанную из золота ветвь со смарагдовыми плодами, которая хранится в святилище Геракла в Гадире, сообщает Флавий Филострат в своей «Жизни Аполлония Тианского» [Philostr. Vita Apoll. V, 5]. В той же главе его сочинения упоминаются и тополя-гелиады, сочащиеся золотом — деревья, в которые по преданию превратились дочери Гелиоса, скорбевшие о гибели Фаэтона.

⁸ Распространенная пословица (см. напр.: *Gregorius. Paroemiae // CPG. T. I. III, 38; Macarius Chrysocephalus. Paroemiae // CPG. T. II. VII, 31; Michael Apostolius. Collectio paroemiarum // CPG. T. II. XIV, 46*).

⁹ Стих из книги Второзакония о медном небе и железной систематически используется Хониатом для характеристики плодородия аттической почвы, в том числе и в качестве антитезы представлению о «золотом поясе». Помимо данного пассажа Афинский митрополит цитирует его в 8-м поучении [л. 50], а также в двух своих посланиях [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 20:19 (P. 24); 27:29 (P. 36)].

¹⁰ Пядь (σπιθαμή) — мера длины, соответствовавшая двенадцати пальцам (δάκτυλοι) и равнявшаяся в византийскую эпоху 23,4 см [Shilbach E. Op. cit. S. 19].